

От крепостного права к освобождению крестьян

Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI — начале XVII в.

Константин Ерусалимский

Serfdom and migration policy in Russia in the late 16th — early 17th centuries

Konstantin Yerusalimsky

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010017, EDN: PNOJBK

Социальная зависимость как одна из важнейших исследовательских категорий нуждается в осмыслении из перспективы мигрантоведческой проблематики применительно к истории эмиграции из России в Речь Посполитую XVI–XVIII вв. Данные о миграциях между этими государствами в контексте социально-экономической истории дополняют более привычные для демографических исследований политические мотивировки, наполняя их смыслами, требующими новых вопросов к источникам. Среди них немало почти не затронутых в науке. Например, как связаны внутренние миграции зависимого населения с эмиграцией из Российского государства? Как отразилась эта тема в международных договорах того времени? В какой мере формы зависимости населения видны в запретах на миграции за пределы России? Как соотносятся между собой формы зависимости в России и в сопредельных государствах, куда направлялись основные потоки эмигрантов? Можно ли в рядах эмигрантов выявить промежуточные состояния между рабством и свободой?

Проблема миграционной политики России была открыта исторической наукой ещё в XIX в. Представители «московской» исторической школы — М.П. Погодин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, М.К. Любавский — рассматривали историю колонизации России, которая по определению выходила и на вопросы границ и трансграничных перемещений населения, но в трудах названных авторов превращала движение «народных масс» за границы из «общественного» в «антиобщественное» (каковым и были в их восприятии эмигранты, казаки и бродячие люди)¹. Дискуссии рубежа XIX–XX вв. между М.Ф. Владимирским-Будановым, Д.И. Багалеем, М.С. Грушевским, А.-В. Яблоновским о заселении Степи и Украины, а также исследования социального состава ранних русских поселений в Сибири во второй половине XX — начале XXI в. показали, что термин «колонизация» требует значительных оговорок, учитывая, что колонизационные процессы трудно отделить от заво-

© 2023 г. К.Ю. Ерусалимский

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00432.

¹ Историографию темы, в том числе вопроса о влиянии концепций Смуты С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского на историческую науку, см.: Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 18–24.

евания и военно-промыслового освоения². Связь между внешней политикой России, историей миграций и крепостного права также неоднократно становилась предметом исторических разработок, однако препятствием на пути осмысления многочисленных взаимовлияний в этой области оказалось несовпадение научных оптик. Между тем невнимание к сквозным мотивациям в этих сферах приводит к недочётам в интерпретации.

Историко-юридическая наука, во многом под воздействием теории «указного» освобождения российского крестьянства, концентрировала свои усилия на «указной» же концепции закрепощения. Указы местного значения, аналогичные общегосударственным крепостническим постановлениям, обнаруживаются и в XV — первой половине XVI в. Однако не приводилось доказательств, что подобными указами регламентировались отношения между сельским тружеником и господином повсеместно в Российском государстве. В науке, развившейся на фоне реформ 1860-х гг., основной коллизией крепостничества виделись отношения между властью и собственником. Государство искало и не находило в историко-правовой традиции обоснования для изъятия из собственности помещиков принадлежавших им крепостных крестьян. В известном смысле именно труды историков оказались определяющими в решении этой проблемы. Так возникли тезисы о крестьянских «мирах», зависящих непосредственно от государя, этому же служили славянофильские идеалы единства царя и народа (и права крестьян на землю в обход помещиков), а также во многом расходящиеся между собой концепции возникновения крепостного права в трудах М.П. Погодина, П.И. Беляева, В.И. Сергеевича, В.О. Ключевского. Названных авторов объединяло то, что крепостничество выводилось ими из изначально несвободных отношений между зависимым населением и собственниками на землю, которые были только закреплены в указном порядке в конце XVI — XVII в. В советской науке каноническими стали звучащие «классово-приемлемо» концепции дворянской монархии и осуществляемого ею феодального гнёта. На «класс эксплуататоров» и была возложена ответственность за развитие крепостного права, учреждённого благодаря реформаторским усилиям государственной власти конца XVI — начала XVII в. (в той или иной мере разделяли этот взгляд М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов, Н.С. Чаев, А.А. Зимин, А.Г. Маньков, В.И. Корецкий, Л.В. Данилова, Г.В. Абрамович, Р.Г. Скрынников, В.М. Панях, Б.Н. Флоря) или вследствие развития самих форм эксплуатации (в большей мере склонялись к данной точке зрения В.О. Ключевский, П.Е. Михайлов, С.Б. Веселовский, Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский, А.Л. Шапиро, Н.А. Горская, И.Я. Фроянов, Л.В. Милов)³.

² Пересмотр мигрантоведческих вопросов в историографии см.: *Панков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004. С. 21–49; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI — XVII в. СПб., 2010. С. 7–66; *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018. С. 7–62; *Флоря Б.Н.* Россия и восточноевропейские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 372–428.

³ Обзор точек зрения см.: *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 4–10, 28–82; *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 194–248; *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014. С. 20–61.

Остаётся загадкой, почему именно на рубеже XVI–XVII вв. феодальная эксплуатация настолько решительно поменяла свои формы, и, если указы о «заповедных» летах действительно имели правовую предысторию, как удалось «указную» практику скрыть за глухой стеной неопределённых ссылок на разновременные указы, из которых ни один известный ныне источник конца XVI — середины XVIII в. не заимствовал никакой ясной правовой клаузулы — ни чтобы её развить, ни чтобы отменить. Кроме того, в обширном комплексе московской и региональной документации по землевладению упоминания «заповедных лет» занимают настолько незначительное место, что постоянно дискутируется вопрос, были ли эти «годы» с какого-то момента общепринятой нормой, не требующей упоминания, или распространялись лишь на определённые регионы Российского государства и являлись чрезвычайной и временной мерой.

Усилия учёных выявить «трудовое население» и обособить его от «правлящих классов» в русских обществах XV–XVII вв. также связаны с неясностью терминологии и правовых реалий самих источников. В этом отношении не поддаются чёткому ограничению «крестьяне», поскольку нет доказательств, что этим понятием в источниках определялись зависимые люди и вообще сколько-нибудь целостный класс. Свободными собственниками вплоть до середины XVI в. считал крестьян Ю.Г. Алексеев⁴. А.Л. Шапиро полагал, что ограничение «выхода» уходит корнями в эпоху ига, когда «численные люди» были обложены татарской данью. Оттуда понятие перешло в Русское государство, отразившись даже в духовной грамоте Ивана IV. Первые примеры «вывода и рубежа» А.Д. Горский и А.Л. Шапиро обнаружили в межгосударственных договорах (в частности, в договорах между великим князьями Дмитрием Ивановичем Московским и Михаилом Александровичем Тверским 1375 г.; Василия I Дмитриевича Московского с Фёдором Олеговичем Рязанским 1402 г.; Василия II Васильевича с Казимиром IV)⁵. Однако от договоров XIV — начала XVI в. до письменных свидетельств о запретах на «выход» и «вывоз» рубежа XVI–XVII вв. прошло много времени, и вряд ли старые нормы обрели в тех поздних событиях новое оформление.

С.М. Каштанов считает, что определяющим для термина «христиане» являлся вероисповедный признак, а само понятие выделяло земледельцев, живущих в деревнях вокруг сёл с приходской церковью, из общей массы трудового населения, прежде всего отличая их от холопов, среди которых было много неправославных военнопленных (литвинов, поляков, татар)⁶. Эта оценка относится к социальным реалиям конца XIV — начала XVI в., а их идеологом и родоначальником крестьянства как общественного класса исследователь считает митрополита Киприана, впервые в известных памятниках применившего термин «христиане» в значении «крестьяне» наряду со старым

⁴ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. М.; Л., 1966. С. 225.

⁵ Шапиро А.Л. Средневековая Русь. Социально-экономический строй и крестьянство. СПб., 2019. С. 313–330.

⁶ Kaštanov S.M. Zum Herkunftsproblem des Begriffes Krestjane / Aus dem Russischen übertragen von U. Halbach // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl / Hrsg. von U. Halbach, H. Hecker und A. Kappeler. Stuttgart, 1986. S. 188–219; Каштанов С.М. Государь и подданные на Руси в XIV–XVI вв. // IN MEMORIAM: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 217–229.

термином «сироты». Кроме того, в источниках сельское население выступает и позднее чаще как «люди», под которыми подразумеваются не только пахотные крестьяне, но и горожане. Бегство от одного господина к другому в рамках одной юрисдикции не требовало письменной регламентации, однако «переход» крестьян разрешался, как показывает Каштанов, в договорах XIV–XV вв., касающихся именно межгосударственных отношений. Приход новых работников «из зарубежья», «из иного княжества» поощрялся специальными клаузулами в жалованных грамотах русских князей духовным главам и служилым людям, причём «зарубежными» людьми считались не работники других господ, а именно выходцы из других княжеств⁷. В пожалованиях великого князя Василия II Васильевича 1426, 1436, 1442, 1453 гг. отличие «старожильца» от «пришлого из иных княжений» — в большей милости (в сроках освобождения от дани) именно для иммигранта⁸. Старожилец отличается от других «людей» не по формам зависимости, а по происхождению. Переход от термина «люди» к термину «крестьяне» («христиане») в источниках заметен лишь со второй трети XVI в.⁹

Не были ли названные перемены в терминологии источников связаны с международными договорённостями России и изменением этнополитического состава зависимого населения?

«Крепостная» зависимость упоминается в источниках конца XVI в. в связи с утратой «крепостей» — договоров о подданстве холопов и рабынь в майский пожар 1571 г. и в других разновременных катаклизмах¹⁰. Эта форма зависимости, согласно приговору о холопстве 1597 г., не противоречила Судебнику 1550 г., сохранявшему юридическую силу и в 1571, и в 1597 гг. Вернее было бы задаваться вопросом о том, как контролировалось подданство и субподданство в России крепостниками и верховной властью и в каких формах распространялось на те или иные слои зависимого населения. Как ясно из законодательных актов второй половины XVI — первой половины XVII в., высшая власть в лице царя и Боярской думы стремилась ограничить не переход крестьян и холопов, а появление опасных для целостности и суверенитета страны бродячих людей любого происхождения (в том числе и детей боярских, казаков, горожан, купцов и различных «лихих людей», «воров» и «изменников»).

Р.Г. Скрынников, оспаривая построения Б.Д. Грекова, отмечал, что «заповедные годы» впервые выступают в источниках в правление Бориса Годунова и касаются узкого круга лиц — трёх помещиков из новгородской Деревской пятины, а термин «крестьяне» в жалованной грамоте Торопцу 1590/91 г. относится к посадскому населению, а не к сельскому, и именно на посад распространяются

⁷ Каштанов С.М. Государь и подданные... С. 220–221, 227–228.

⁸ Обзор дискуссии о «старожильцах» см.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 441–450. Л.В. Милов предполагал, что «ино-княженцы» — это не только выходцы из другого княжества или с территории иной юрисдикции, но от собственника с «территорий частновладельческих вотчин, где “вотчик” был “государем”, а следовательно, “князем”» (Там же. С. 449). Впрочем, это только гипотеза, причём подкреплённая в грамотах конца XV — начала XVI в. формулами выхода из «зарубежья», которые также не были лишены политического подтекста.

⁹ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 100–103.

¹⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты (далее — ЗАРГ). Л., 1986. № 47. С. 64–65.

в этой грамоте «заповедные лета»¹¹. Ни о какой всеобщности «заповеди» в России 1580–1590-х гг. говорить не приходится. Наоборот, в эти годы обнаруживаются прямые свидетельства «выхода» крестьян и соблюдения норм Судебника 1550 г. Причём ограничительные меры в южных уездах, в частности в пограничном Ельце 1592–1593 гг., касаются не возможности выхода крестьян и холопов от своих господ, а права на переход из зависимого состояния в «вольные люди» (стрельцы) и ухода за пределы государства на «украинах» (неслучайно и переписка с елецкими воеводами велась из Посольского приказа)¹². Тяжба между помещиками в Новгородской съезжей избе в 1594 г. решается также на основе судебного прецедента, рассуженного главой Посольского приказа А.Я. Шелкаловым. Чтобы объяснить эти факты при помощи внутренней социально-экономической истории, Скрынникову пришлось допустить, что в 1594 г. были введены новые заповедные годы, а предыдущие (1581–1587 гг.) – аннулированы: «Вместе с ними было изъято из употребления и само понятие “заповедные лета”, так и не успевшее приобрести универсальное значение»¹³.

Сам ход мысли исследователя подводит к выводу об участии судей Посольского приказа в пограничных делах, в которых «рубезж» приобретал межгосударственное значение (роль этого приказа в делах такого рода сохранялась и после Смуты)¹⁴. И в этих же контекстах впервые упоминаются «заповедные лета». Один из помещиков, с чьим именем связано появление «заповеди» в новгородском регионе, – Иван Непейцын. В 1588 г. он пытался вернуть себе двух крестьян, ушедших в 1581/82 г., когда он сам был на службе «в Лялицах» (в феврале 1582 г.). Бежавшие нашлись в Никольском монастыре «на островку Едрово» у старца Стахия, что и подтвердило расследование в ноябре 1589 г.¹⁵ Санкция по делу неизвестна. Два близких родича Ивана – Осьмой Михайлов и Василий Непейцыны – оказались во время войны на стороне противника. Первый из них бежал к королю в середине сентября – начале ноября 1564 г., второго пленили во время одного из походов Стефана Батория, и к началу 1582 г. он содержался у Яна Замойского. Это заставляет обратиться к политической составляющей запретов на выход крестьян.

По мнению ряда исследователей, «заповедь» 1582 г. и проведённое на её основе писцовое описание весны 1584 г. были временными и локальными мерами, распространяемыми на пашенных и посадских людей¹⁶. Однако если в «обычных речах» подразумевался запрет на выход за границу государства, то и расследование проводилось не по «крестьянскому вопросу», а по запрету на приграничные «выходы» и побег за границу. Это и для крестьян Деревской

¹¹ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы царя Фёдора Ивановича // История СССР. 1973. № 1. С. 99–129.

¹² Ср. с выводами В.И. Корецкого, который воспринял слова царской грамоты в Елец от 31 декабря 1592 г. о запрете «прибирати» стрельцов «с пашень» или «ис холопства» как доказательство того, что пашенные крестьяне и холопы уже «невольные, крепостные» (Корецкий В.И. Указ. соч. С. 97).

¹³ Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 172–177.

¹⁴ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам Холопного и Посольского приказов, Оружейной палаты и Разряда. Т. 1. М.; Л., 1943. С. 206.

¹⁵ РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 16935, л. 287–287 об.; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 436–437.

¹⁶ Скрынников Р.Г. Заповедные и урочные годы... С. 110; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 96–116; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 68–69; Флоря Б.Н. Об установлении «заповедных лет» в России // Отечественная история. 1999. № 5. С. 121–124; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 283–292.

пятины или Ельца, и для новгородских помещиков было серьёзным обвинением, требовавшим расследования губных старост по указу из Новгорода и Москвы. Как отметил В.А. Аракчеев, обыски велись в поместьях, запустевших или утративших владельцев, а значит и сами беглые крестьяне могли думать, что их господин уже не вернётся в свои владения. Новгородская земля находилась на особом положении и была не просто приграничной территорией, а полунезависимым государством, через которое осуществлялись дипломатические отношения с Шведским королевством. Елец был окраиной на пути в Степь, «у татарского рубежа». Торопец находился у «литовской украины», и «заповедь» на выход стала экстренной мерой, позволявшей укрывшихся в вотчинах или поместьях горожан вывозить обратно на посад «в заповедные лета»¹⁷.

О причинах запрета на пересечение границ говорит мирное постановление, заключённое под Ямом-Запольским в деревне Киверова Гора 15–16 января 1582 г. В договоре применён и типичный для посольского дела оборот «и в то время, и после того до урочных лет войне на обе стороны не быти» с обоюдными обязательствами не вступаться в земли соседа и «с обе стороны» расследовать преступления против «порубежных людей», «а лихих казнити»¹⁸. Вводился режим взаимной выдачи, распространявшийся на любых перебежчиков и означавший запрет на несанкционированное пересечение границы: «А в те перемирные лета какова учинитца обида меж наших князей и людей в землях, и в водах, и в ыных в каких обидных делех, и наши князи, и намесники, и волостели украинные, сослався, да тем обидным делом всяким управу учинит на обе стороны, а в каких обидных делех наши князи, и намесники, и волостели не учинят управы, и нам о том сослати судей, и они, съехався, да тем обидным делом всем управу учиня на обе стороны без хитрости, а татя, беглеца, холопа, робу, должника по исправе выдати, а даное положение заемное поручное отдати»¹⁹. «Общий» суд по рубежным вопросам надлежало производить по крестному целованию с обеих сторон; его не следовало откладывать и переносить, осуществлять его должны были незаинтересованно и по справедливости: «А что учинитца нашей любви меж нашими людьми и вашими, ино тому всему судьи и волостели наши соехався да учинят и праву без перевода, а про то нам не любя не держати, а суженого не посужати, а суженое, заемное, положеное, поручное дати, а холопа, робу, должника, поручника, татя, розбойника, беглеца, рубежника по исправе выдати»²⁰. В этом месте договора наряду с «беглецом» упоминается «рубежник» — по всей видимости, не просто житель приграничных районов, который не уходит от своего тягла или со службы,

¹⁷ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 286–287, 310–311.

¹⁸ Успенский Ф.И. Переговоры о мире между Москвой и Польшей в 1581–1582 гг. Одесса, 1887. С. 4–5, 8–9; Флоря Б.Н. Россия, Речь Посполитая и конец Ливонской войны // Советское славяноведение. 1972. № 2. С. 25–35; Лурье З.А., Смирнова С.С., Филюшкин А.И. К вопросу о месте проведения переговоров о перемирии России и Речи Посполитой в 1581–1582 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2011. № 2. С. 173–200.

¹⁹ Успенский Ф.И. Указ.соч. С. 13, 18. Проекты составлены к 3 ноября 1581 г.

²⁰ Там же. С. 22, 27. В латинской версии из бумаг А. Поссевино клаузула о нарушении границ изложена обобщённо и кратко: «Если же возникнет в это время какое-нибудь противозаконное действие среди пограничных жителей с обеих сторон, воеводы и исправляющие свою должность наместники в любой пограничной крепости во владениях той и другой стороны, посланные в это самое время с обеих сторон из-за этих противозаконных действий, должны восстановить справедливость и наказать виновных» (Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.). М., 1983. С. 187).

в отличие от «беглеца», а захватчик, чинящий помехи и убытки на границе²¹. Захват товаров и любых ценностей на рубеже и пересечение «украины» рассматривались как преступление, определение которого требовало соблюдения неприкосновенности границ и общей дисциплины населения в отношении любых «рубежей» и «украин»²². Комиссии регулярно обсуждали пересечения границ в перемирие годы. Подобные процессы в московских посольских книгах именуются «малыми делами порубежными», делами «о грабежи и кривды порубежные» и т.п.²³

«Рубежная» клаузула Ям-Запольского договора унаследована от предыдущих договоров. Почти теми же словами она сформулирована в договорах от февраля 1494 г.²⁴, марта 1503 г.²⁵, октября 1508 г.²⁶, сентября 1522 г.²⁷, ноября 1526 г.²⁸, февраля 1537 г.²⁹, марта–августа 1542 г.³⁰, февраля 1549 г.³¹, сентября 1553 г.³², февраля 1556 г.³³ Только в договоре Василия II Васильевича с Казимиром IV от августа 1449 г. ещё звучит перед сходной формулой о взаимной выдаче перебежчиков и преступников взаимное согласие на свободное определение вольных людей («ино тым людем волным воля, где хотят, тут и живут»)³⁴. Позднее она из договоров исчезла, а на месте свободного «выхода» возникли запреты на пересечение границ, которые С.В. Юшков, Горский и Шапиро рассматривали как начало закрепощения различных категорий пашенного населения³⁵. Впрочем, если крестьяне в этот период – свободные собственники, на чём настаивают Алексеев и Каштанов, то речь в межгосударственных договорах должна идти не об усилении аграрной эксплуатации, а о поддержании ограничений на рубежах.

«Заказ на выход» при царе Фёдоре Ивановиче неслучайно в начале XVII в. упоминается как запрет на «выход вольный» времён Ивана Грозного. «Воля» при царе Иване Васильевиче в сходных контекстах передана самому царю, пе-

²¹ Рыбина Е.А. Акция «рубежа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация // Новгородский исторический сборник. Т. 11. СПб., 2008. С. 68–82.

²² Скобелкин О.В. «Украины» Разрядной книги 1475–1605 гг. // Российская история. 2015. № 5. С. 54–63.

²³ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 137. СПб., 1912. С. 579.

²⁴ Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir Maskvos valstybės sutartys. 1449–1556 metai. Šaltinių publikacija. Kaunas; Vilnius, 2016. P. 64, 74.

²⁵ Ibid. P. 85, 95.

²⁶ Ibid. P. 106, 118.

²⁷ Ibid. P. 131–132, 141.

²⁸ Ibid. P. 153, 164.

²⁹ Ibid. P. 183, 192.

³⁰ Ibid. P. 204, 210, 215.

³¹ Ibid. P. 225, 235.

³² Ibid. P. 247, 256.

³³ Ibid. P. 267, 277.

³⁴ Ibid. P. 56. Шапиро, оспаривая предложенную Дьяконовым интерпретацию данной нормы, ограничился лишь упоминаниями временных резидентов (иноземных купцов, бояр, приказчиков и др.). Однако в клаузуле «где хотят, тут и живут» речь идёт не о временном пребывании, а именно о свободном выборе постоянного места жительства. Никаких ограничений в отношении статуса этих лиц в источнике нет. Шапиро эту норму распространяет как на горожан, так и на сельское население (Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 323, 328).

³⁵ Горский А.Д. Договорные грамоты XIII–XV вв. как источник по истории закрепощения крестьян на Руси // Исследования по истории и историографии феодализма. Сборник к 100-летию со дня рождения академика Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 159–173.

ред учреждением опричнины настаивавшему на своей «воле» казнить и миловать холопов, как раньше это звучало в межгосударственных договорах (например, Бориса Александровича Тверского с великим князем литовским Витовтом Кейстутовичем от 1427 г.)³⁶. Позднее в особом дворе царь просил марионеточного великого князя Симеона Бекбулатовича, чтобы тот ему «ослободил людишок перебрать» и «приимать» людей к себе на двор, тогда как от себя к великому князю Симеону просил никого не принимать («а которые от нас поедут и учнут тебе, господарю, бити челом, и ты б... тех наших людишок, которые учнут от нас отходити, пожаловал, не принимал»)³⁷. Право казнить и миловать являлось предельной юридической властью суверена на своих территориях, откуда к чужим правителям «выход» запрещался. А «выход вольный» отнюдь не был положительной оценкой в адрес времён Ивана Грозного — вернее «выход вольный» воспринимался как признак военного времени, недействительности мирных соглашений и отсутствия охраны «рубежей». Окружные грамоты о восшествии на престол, начиная с грамоты Бориса Годунова от 14 сентября 1598 г. и вплоть до грамоты Совета всея земли от февраля 1613 г., распространяли на всех присягнувших царю — как местных жителей, так и иноземцев — хорошо известный при Иване Грозном по отношению к опальным и подозреваемым сановникам крестоцеловальный запрет на выезд из страны. Грамота Бориса Годунова приравнивала смену подданства к чародейству с целью свергнуть власть, к «лиху» против царя и измене³⁸. Грамота Совета обоих Ополчений много лет спустя выводила страну из Смуты, запрещая подданным не только побег из страны и дезертирство, но и поддержку любого нового претендента на престол («вора») и любые контакты с «изменники его господаревы»³⁹.

Выдача преступников и совместный суд над нарушителями границ — постоянное место переговорного процесса между Москвой и Вильно с конца XV в. и на протяжении XVI в., а обострённое внимание к соблюдению этой клаузулы на рубеже XVI–XVII вв. связано с процессами, прослеживаемыми в изменениях старинной формулы.

Уже в апреле 1590 г. послы Габриэль и Матей Войны получили от короля Сигизмунда III Вазы инструкцию, по которой должны были обсуждать с царём Фёдором Ивановичем объединение Речи Посполитой с Московским государством. В числе прочего звучало ограничение побегов «изменников и перебежчиков» между владениями короля и царя⁴⁰. Мирный договор с Крымским ханством конца 1593 г. дал возможность российскому правительству укрепить южные границы и упразднить «береговую» службу, что потребовало усилить пограничный режим в «украинных» городах⁴¹. Ям-Запольский мир в результате переговоров 1590–1591 гг. был продлён ещё на 12 лет. В 1600 г. посольство Льва Сапегы, Станислава Варшицкого и Гельяша Пельгжимовского к Бори-

³⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 26. Ср.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 62 (Тверь, 3 августа 1427 г.).

³⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 2013. С. 90.

³⁸ Козляков В.Н. Смутное время в России начала XVII века. М., 2021. С. 43, 49.

³⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел (далее — СГГид). Ч. 3. М., 1822. С. 14–15 (Февраль 1613 г.).

⁴⁰ Lietuvos Metrika. Kn. Nr. 594 (1585–1600). Vilnius, 2006. P. 110 («Zdradziec, zbiegów aby jeden od drugiego nie przymował, i owszem, aby takowych na obie stronie wydawano i karano»).

⁴¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948. С. 43–44.

су Годунову подняло вопрос о воссоединении в единую федерацию монархии Речи Посполитой и Российского царства, и в этом объединённом государстве предложили общую выдачу «банитов», т.е. перебежчиков, осуждённых в своём отечестве на высшую меру наказания⁴². Московская боярская комиссия признала этот пункт необходимым в случае заключения вечного мира и объединения двух стран: «Чтоб беглецов, розбойников, зажигальников и всяких лихих людей, которые в вине дошли до казни, а до господарств тех соединенных учнут бегати, таковых бы на обе стороны выдавать... о том и в докончальных грамотах написано будет»⁴³.

Пятилетний сыск действовал, по всей видимости, с 1586–1587 гг. (в таком случае упомянут около 1591–1592 гг.) и отсчитывал обязательный розыск крестьян с момента окончания войны⁴⁴. Следовало бы предположить, что указ был вызван судебными делами о побегах во время войны и предполагал амнистию для крестьян, сменивших господина без договора и уплаты «пожилого» во время Ливонской войны. Ни их, ни их новых господ не следовало тревожить. В то же время покидать без договора и оплаты своё место после заключения мира запрещалось. При этом никаких данных, что эти упоминания имеют хоть какое-то отношение к ограничению Юрьева дня, нет.

В 1601 – начале 1602 г. мир с Речью Посполитой продлили ещё на 20 лет. Подкрепил ту же зависимость сыска беглых крестьян от дипломатических соглашений срок не «дале пяти лет» (т.е. ретроспективный, от даты за пять лет до этого), подтверждённый указом Лжедмитрия I от 1 февраля 1606 г.⁴⁵ Договор с Речью Посполитой Бориса Годунова действовал и в 1607 г., когда принималось Уложение Василия Шуйского. Упомянутый в Уложении 15-летний срок сыска «пред сим» по книгам 1592/93 г. и «впредь» (т.е. ретроспективно и проспективно от даты принятия) соотносится как с датой продления Ям-Запольского договора в 1591 г., так и с оставшимися «урочными годами», на которые был продлено перемирие между Российским царством и Речью Посполитой в 1602 г.⁴⁶ «Урочные лета» упоминаются также в неясном контексте в указе Василия Шуйского о запрещении пожизненного кабального холопства⁴⁷.

⁴² Сборник ИРИО. Т. 137. С. 48 (июль 1600 г.): «Ale zbiegowie, złodzieie, zapalacze, wywołańcy y którzy by przewiniwszy, uchodząc karania, do państw tych ziednoczonych uciekali, takowi bez żadnego prawa y zwłoki na obiedwie stronie wydawani być mają». В дневнике Г. Пельгжимовского (список Академической библиотеки в Кракове № 1050) этот отрывок звучит следующим образом: «Biegunów, tacziew, rozbojników, zapalczów, wywołańców i wszelakich, którzy by przewiniwszy, a uchodząc karania do gospodarstw tych zjednoczonych uciekali, takowych na obie strony bez odwłoki wydawać» (*Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. Poselstwo do Zygmunta Trzeciego. Warszawa, 2010. S. 73*).

⁴³ *Pielgrzymowski E. Op. cit. S. 89–90.*

⁴⁴ ЗАРГ. С. 64.

⁴⁵ Там же. С. 73–74.

⁴⁶ *Назаров В.Д.* Было ли подлинным Уложение 9 марта 1607 года? // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 197–200; *Козляков В.Н.* Василий Шуйский. М., 2007. С. 125–129. Критического отношения к Уложению 9 марта 1607 г. отчасти придерживается В.А. Аракчеев, допускающий, впрочем, что подобная грамота в том году была отправлена в Чердынскую приказную избу и содержала норму о 15-летнем сыске крестьян (*Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 92–100, 332–351). Приграничное положение Чердыни и Пермской земли объясняет, почему Уложение царя Василия Шуйского стало одной из мер по ограничению побега крестьян за пределы государства. В Перми и Пермском уезде в 1607–1609 гг. передвижение «из сибирских городов» в равной мере «служивых и пашенных» людей регламентировалось воеводскими «проезжими грамотами» (*Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 63, 83–84, 139).

⁴⁷ ЗАРГ. С. 77.

Хотя действие договора 1602 г. прервали события Смутного времени (Лже-дмитрий I в 1605 г. осознавал риск его разрыва)⁴⁸, в июле 1608 г. его продлили, и в договоре Василия Шуйского с Сигизмундом III Вазой сказано: «А злодея, бегльца, холопа, невольника, длужника по украином з слушного розсьудьку выдать, а згонные поплатные взаємне одъдать»⁴⁹. С минимальными изменениями клаузула о режиме на границах отразилась в договорных статьях тушинцев с Сигизмундом III Вазой под Смоленском 4(14) февраля 1610 г. Выезд из страны под видом перехода к новому пану для простых крестьян и всех «чинов» предполагалось полностью запретить: «Крестияном в Литву выходу, а из Литвы на Русь, и на Руси меж себя выходу не давать, для того што от того хлопи могут искать своеволенства, а господару и сенатором и рыцерству с того жадного пожитка не будет»⁵⁰. В польско-литовской версии, внесённой в один из томов Литовской Метрики, это место звучит почти так же: «Мужиком хрестьяном до Литвы з Руси, а з Литвы до Руси и на Руси всяких станов людем руским промеж себе выходу не кажет Король Его Милость допушати»⁵¹.

Промысловое население в договоре московской боярской комиссии со Станиславом Жолкевским в августе 1610 г. лишилось права на пересечение одновременно государственных и внутренних границ — взаимное соглашение властей ставило таких нарушителей вне закона: «Торговым и пашенным хрестиянам в Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу не быть; также и на Руси промеж себя крестияном выходу не быти. Бояром и дворяном и всем чыном держати крепостных людей по прежнему обычаю, по крепостям»⁵². Связь между внешним и внутренним «выходом», пересечением границ имений и государства бросает свет и на предыдущие «заповедные лета», раскрывая миграционную составляющую «выхода», понимаемого как уход горожан и пахотных людей от своего владельца в нарушение «крепостей» и как пересечение государственной границы, т.е. как «измена».

Деулинский мирный договор, заключённый в декабре 1618 — январе 1619 г. на период с 4 января 1619 г. до 5 июля 1633 г., также продлил взаимную выдачу перебежчиков и преступников на границе⁵³. Запрет перехода государственной границы строго соблюдался, о чём свидетельствуют постановления Разрядного и Посольского приказов, Боярской думы и даже самого царя с начала 1620-х гг. о допросе (есть ли в Литве «родимцы», «кто отпустил за рубеж» и «что с ними он приказывал»), а при необходимости — пытках, казни и ссылке в Сибирь холопов, подозреваемых в бегстве в Речь Посполитую. Кроме того, как отметил А.И. Яковлев, многие челобитья собственников о возвращении им беглецов после Смуты упоминают «рубеж». На это шли, чтобы снять с себя ответственность за возможную «измену» зависимого человека и придать поискам его больше весомости⁵⁴.

⁴⁸ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 257.

⁴⁹ РГАДА, ф. 389, оп. 1, д. 596, л. 10 об.

⁵⁰ Сборник ИРИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 68; Козляков В.Н. Смутное время... С. 304.

⁵¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1851. С. 317.

⁵² СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 396 (17(27) августа 1610 г.); Артюшевский О.П. Совместная антикрепостническая борьба трудящихся масс России, Украины и Белоруссии: вторая половина XVI — 60-е годы XVII ст. Киев, 1987. С. 23.

⁵³ Majewski A.-A. Moskwa 1617–1618. Warszawa, 2011. S. 186.

⁵⁴ Яковлев А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 203–213.

В этот период процесс закрепощения частновладельческих и черносошных крестьян был поставлен на широкую правовую основу. Задача контроля над «выходами» решалась за счёт писцовых описаний 1626 г. и переписных книг 1646 г., на которые и ориентировались создатели Соборного уложения 1649 г. Впрочем, нормы Уложения опережали практику и ограничивали сферу, выбивавшуюся из-под правительственного контроля (например, применительно к черносошным крестьянам). Правительство проводило сыск беглых крестьян по дворянским челобитным и пыталось расширить ареал поисков на Дон, подпавший под правительственное влияние после движения Степана Разина 1667–1671 гг. Вехой в этом процессе стал указ 30 марта 1688 г., разрешавший оформлять сделки на крестьян без земли, в том числе на «души» тех, кто был на момент заключения договора в розыске. Если даже крестьянин оказывался за границей, в Сибири или на Дону, отныне его подданство закреплялось условиями подобной сделки⁵⁵.

«Урочные» годы в посольском деле — это «урок»-срок действия договора, который власти соблюдали в отношении контрагента и особенно в вопросах пересечения «рубежей». В этой области дипломатия разработала понятие «заповеди» — под ней понимали запрет на несанкционированное пересечение границ. «Царская заповедь» неоднократно упоминается московскими боярами в переписке с Панами радой Великого княжества Литовского в 1562 г., чтобы объяснить, что Москва соблюдала мирные соглашения, а нарушители границ — это «лихие» или «охочие» люди, преступающие запрет. «Заповедь» при этом исходит непосредственно от государя, а её нарушение означает преступление против его воли, которое не может допустить ни боярин, ни простой человек⁵⁶. Государь запрещает при помощи «заповеди крепкой» любое вторжение в соседнее государство, в том числе — собственной рати (как если бы рать могла вторгнуться куда-либо без государева слова)⁵⁷. «Заповедные лета» совпадают с «урочными» по времени действия посольских соглашений, но определяются волей государя, направленной не на дипломатических партнёров, а на «своих людей», кому «царской заповедью» предписывается соблюдение условий договора. Особенно показательно, что «заповедь» распространяется в первую очередь на «украины» и «украинных людей».

Рассмотрение условий договоров между Россией и Речью Посполитой во второй половине XVI в., последующих договоров и проектов соглашения в 1590 — начале 1600-х гг. позволяет ответить на вопрос о причинах «урочных» и «заповедных» лет. «Урочными» могли называться те годы, когда действовал договор между двумя странами и его дополнительные статьи, запрещающие выход из одного государства в другое (по празднику Крещения с 6 января 1582 г. до 6 января 1592 г.). Этот запрет, санкционированный государевым именем, и являлся «заповедью», а те годы, когда он действовал, — «заповедными годами». Помимо преступников, челяди и должников в договоре указывались и обычные «беглецы» и «рубежники», т.е. те, кто объявлен в розыск или нарушал «рубежный» режим договора. Устанавливалась и двухступенчатая система приграничных судов: «украинные» суды князей, наместников и волостелей на

⁵⁵ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.; Л., 1962. С. 22–178; Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 56–66.

⁵⁶ Сборник ИРИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 73–75, 102–115.

⁵⁷ Там же. С. 124–131, 310–318; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843. С. 251–253.

первом этапе и государевы судьи в вопросах, неподвластных «украинным», — на втором. Таким образом, в 1582 г. два государства, завершив между собой боевые действия и приступив к размену землями, городами и пленными, установили единую для всего региона систему запретов на пересечение границ, получившую наименование «заповедных лет» на 10-летний срок действия мирного договора, т.е. на «урочные лета». Продление мирного договора предполагалось в 1590 г. также связать с сохранением режима на границах, закрыв их для перебежчиков и изменников. Позднее, в 1600 г., круг «всяких лихих людей» расширился за счёт уточнений в отношении «лихих людей», а в 1610 г. тот же, по сути, режим был раскрыт словами о запрете перехода границ для «мужиков-христиан... всяких станов людем» с обеих сторон, что идентично запрету любого крестьянского «выхода». Продление мирного соглашения с Речью Посполитой означало перенос режима «заповедных лет» на следующее десятилетие, а Деулинское перемирие продлило его ещё на 15 лет.

Другой историографический тезис, раскрывающий, прежде всего, причины и характер Смутного времени в России, гласит, что во время и вследствие опричнины началось разорение страны, продолжившееся из-за частичного закрепощения служилого и тяглого населения, и достигло своего рода пика в голодные 1601–1603 гг. и в наиболее страшные по разорительности грабежей 1615–1620 гг.⁵⁸ Было бы логично распространить этот тезис и на причины возникновения в России крепостного права, учитывая, что к такому выводу подходили, например, С.Ф. Платонов и Е.Д. Сташевский в оценке экономических последствий опричнины и Смуты, а также П.Н. Милюков при изучении влияния Северной войны на рост тягловой зависимости крестьянства и горожан. Советские исследователи, а вслед за ними историки в наши дни также говорят об экстренных причинах закрепощения — о войне и резком росте тягла, опричной политике, атмосфере произвола в 1570–1580-х гг., росте хлебных цен во второй половине XVI и особенно в начале XVII в., из-за чего выплаты «пожизлого» землевладельцам перестали компенсировать убытки от выхода крестьян⁵⁹.

Потоки людей в годы Ливонской войны хлынули не только «безвестно» на новые места внутри страны, в Степь, на Волгу и в Чернигово-Северскую землю, но и «за рубеж», на Дон, Днепр, «в Литву», создавая людской ресурс для последующего восстания и движения в поддержку царя Дмитрия Ивановича и усиливая казачью «вольницу»⁶⁰. Обычно исследователи на основе писцовых и переписных книг восстанавливают объёмы хозяйственного крушения в самой России (особенно в центральном регионе, на Западе, в Новгородской и Псковской землях). Тогда как выводы о потоках, двинувшихся на юг, звучат

⁵⁸ Готье Ю.В. Смутное время. М., 2019. С. 15–17, 31–32, 117–125.

⁵⁹ Маньков А.Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 32–35, 40–41; Абрамович Г.В. Новые источники по истории хлебных цен в России XVI в. // История СССР. 1968. № 2. С. 116–118; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 8, 71, 128, 312; Панеях В.М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975. С. 201–205; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 39; Шапиро А.Л. Указ. соч. С. 269–270; Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 485–486; Горская Н.А. Указ. соч. С. 230–231; Францев О.Л. Влияние опричнины на хозяйственное состояние русских земель в середине–конце XVI века. Отражение в источниках и литературе // Эпоха Ивана Грозного и её отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре. Сборник материалов всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 16–17 октября 2017 года, г. Александров. Т. 2. Владимир, 2018. С. 210–223.

⁶⁰ Францев О.Л. Влияние опричнины... С. 214–215.

без демографических выкладок (нередко эти потоки определяются как «колониционное движение... на вновь осваиваемые окраины»)⁶¹. Этот процесс (его роль в закреплении подчёркивал ещё П.Н. Миллюков) фиксируется лишь поверхностно, поскольку точных данных о количестве людей, переселившихся в Степь, в нашем распоряжении нет⁶². Однако и сам вектор этого движения не замыкается на российском порубежье, «украинных городах» и в Степи. Его социальный состав вызывает вопросы и требует рассмотрения не только российских, но также восточных и европейских источников⁶³. Российские власти отказывались видеть в неподконтрольных местах скопления «гулящих людей» сферу своей ответственности. Для российской политической жизни эти территории находились уже за рубежом и становились объектом колониальной политики, а не мирной колонизации. В ответ на посольство Г.А. Нащокина 1592–1593 гг. султан Мурад III поставил царю Фёдору Ивановичу ультиматум – отдать Казань и Астрахань, свести с Дона казаков и разрушить четыре крепости на Дону и Тереке, угрожая в противном случае направить своё войско на Москву. Причём в отношении Дона позиция Москвы была примирительной: Нащокин от имени царя заявил, что казаков с Дона выгоняют, а крепостей никаких там нет⁶⁴. Эти заявления шли вразрез с сообщениями об участии волжских казаков с позволения царя Ивана IV в разгроме сибирского хана Кучума, официально передаваемыми уже при царе Фёдоре Ивановиче, в частности в посольских наказах в Речь Посполитую 1586 г. и в Священную Римскую империю 1588 г.⁶⁵

Миграции за пределы государства не ограничивались тяглым населением, а во многих известных случаях сопровождалась уходом из своих имений детей боярских, направлявшихся на окраины и за пределы страны вместе с боевыми холопами, челядью и крестьянами. На 1592 г. приходится приостановка «урочных лет» перемирия, и служилых людей российского Юга охватила тревога перед грозящей новой войной – это и вызвало санкционируемый самими служилыми людьми переход части своих холопов и крестьян в боевые холопы-стрельцы. Волна выходов «в вольные казаки» охватила в канун истечения «заповедных лет», в начале 1590-х гг., не только пашенных крестьян и горожан, но и детей боярских. Так, с Василием Биркиным ушли М.Д. Пахомов и П.Д. Голохвастов, подались на Дон три «новика», уходили туда и некоторые ряжские дети боярские⁶⁶. Елецкие акты 1592–1593 гг. фиксируют опасения российских властей, вызванные переходом холопов и «пашенных людей» в стрельцы на Юге России. Запретительные меры связаны здесь с продолжением «заповедных лет»⁶⁷. На землях российского чернозёмного Юга невоенного посадского

⁶¹ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 7–8, 85.

⁶² *Папков А.И.* Порубежье Российского царства... С. 88–129.

⁶³ *Леп'яко С.* Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернівці, 1996; *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2010. № 2. С. 282–284; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2020. С. 427–440, 546–552.

⁶⁴ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Стб. 100–101; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 188; *Виноградов А.В.* Дипломатическое противостояние Москвы и Бахчисарая после договора 1594 года: от мирного соглашения до династического кризиса в Крыму 1596–1597 годов // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2018. № 10. С. 33–62.

⁶⁵ *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 49–52.

⁶⁶ *Скрынников Р.Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 70.

⁶⁷ *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 313–314.

и пашенного населения на рубеже XVI–XVII вв. осталось крайне мало, а служилые люди «по прибору» здесь нередко выступали в роли работных людей на десятинной пашне. Ни у помещиков, ни у пахотных людей в Воронежском уезде не было своих наделов, а помещичья запашка обрабатывалась «наездом» (т.е. приезжими крестьянами)⁶⁸. В XVII в. после Смуты здесь, как и на Северо-западе и Севере, господствовали «мельчайшие» помещичьи хозяйства, т.е. хозяйственное освоение региона и его защита шли рука об руку⁶⁹. Повстанческие движения южных уездов и «украин» получили мощную подпитку благодаря 10-летнему освобождению от государственного тягла регионов, поддержавших «царя Дмитрия Ивановича». Как отмечал Корецкий, решение самозванца вызвано прежде всего тем, что поддержавшее его население было вооружено, а следовательно, состояло в значительной массе из служилых людей и боевых холопов⁷⁰.

Оспаривая тезис А.Б. Каменского о политико-экономической неизбежности крепостного права в России (как и его довольно поздней отмены)⁷¹, Аракчеев отчасти принял сходную точку зрения и уточнил, что «закрепостительные мероприятия второй половины XVI в. были действительно вынужденным шагом правительства, находившего полную поддержку тяглых общин». Основное внимание Аракчеев уделил крестьянским «мирам» и волостным порядкам, находившимся в связи не только с земельными собственниками и непосредственными распорядителями на земле, но и с высшей властью, заинтересованной в поддержании «крепкой» привязки трудового населения к земле. Таким образом, исследователь видел своей задачей преодоление противоречий в концепции эволюционного развития крепостничества, сформулированной прежде всего в работах Грекова и уточнённой в последующих исследованиях. Одна из ключевых методик в данных вопросах — экстраполяция сведений Смутного времени и позднейших данных на предыдущие события, а также региональных свидетельств на общерусские при неизбежно узкой базе данных для интерпретации ключевых терминов⁷². Важное наблюдение в работе Аракчеева касается перемен в терминологии государственной службы и лояльности. В 1560–1580-х гг., по предположению исследователя, на смену терминологии «крамолы» пришло понятие «измена», почерпнутое из церковного тезауруса и распространившееся на деятельность широких масс светского населения. Это свидетельствует о существенных переменах в механизмах политического контроля, которые должны были сказаться и на режимах пересечения границ.

Авторы, доказывающие, что истоки новаций в праве на крестьянские души и их собственность следует искать в особенностях феодальных порядков, классовой природе эксплуатации тяглого населения феодалами и в интересах крестьянского «мира» (общин и волостей), тем не менее не дают ответа на вопрос,

⁶⁸ Данная форма обработки земли была широко распространена и на русском Севере, свидетельствуя о преобладании свободного найма над подданством (*Глазьев В.Н.* Города-крепости российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и её преодоление // *Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* Т. 24. 2019. № 2. С. 93–95, 103–112).

⁶⁹ *Миров Л.В.* По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 414, 430.

⁷⁰ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 242–243.

⁷¹ *Каменский А.Б.* Уроки, которые можно было бы извлечь // *Одиссей. Человек в истории.* 2004. М., 2004. С. 419.

⁷² *Аракчеев В.А.* Власть и «земля»... С. 7, 61–126.

что именно служило стимулом, чтобы эти порядки претерпели настолько значительные изменения, что неизбежным стало прекращение «выходов» и «отказов» и были пересмотрены постановления Судебника 1550 г. (хотя, как отмечал ещё Ключевский, и Уложение 1649 г. в полной мере не отменило эти свободы). Наметившийся угол зрения в критических построениях, направленных на пересмотр необоснованных концепций (в данном случае — концепции классовой подоплёки крепостного права, возникшего будто бы в интересах феодалов-землевладельцев), говорит о новом витке научного «забвения» о дипломатических договорённостях и многолетней войне, вызвавшей разруху, ухудшение жизни низших слоёв российского общества и усиление податного бремени. По масштабам и последствиям для хозяйства одномоментные (приходящиеся на жизнь двух-трёх поколений служилых и тяглых людей) войны Российского государства за поволжские земли и Западную Сибирь, Степь, Ливонию и Великое княжество Литовское не имели ничего похожего в прошлом страны, и положение только усугубилось из-за эрозии наследственной линейной доктрины передачи престола в период Смуты. Рост военного противостояния между различными группами свободного и тяглого населения выразился в казачьих движениях и гражданских войнах начала XVII в., которые не свидетельствовали о росте социального напряжения или классовой борьбы в России, а являлись борьбой за легитимность в рамках действующих институтов при активном участии мигрантов, ушедших на «украины» и за пределы царства и возвращавшихся, чтобы отстаивать «подлинного царя», получить искомую свободу от миграционных ограничений, отвоевать свою собственность. Как и «панцирные бояре» в первых казачьих движениях на восточных землях Речи Посполитой, в России основу этого явления составляли свободные мелкие землевладельцы — переселившиеся на окраины царства дети боярские, боееспособные холопы, горожане и пахотные крестьяне.

К середине XVI в. правовые основания отношений между привилегированными землевладельцами и их подданными существенно не изменились. Их определяли договорные обязательства и право ухода от одного господина к другому при условии уплаты «пожилого». Договор с господином и являлся «крепостью», предполагающей взаимные обязательства между ним и подданным. Судебники 1497 и 1550 гг. их закрепили законодательно, а первые случаи правового вмешательства в порядок «крепости» относятся к окончанию войн за Ливонию и исходят не от вотчинников и помещиков, а от высших властей России и Речи Посполитой. Аракчеев пересмотрел весь комплекс данных о «заповедных летах» и пришёл к заключению: «Так как существенных отличий в практике крестьянских переходов в 1580-х и 1590-х гг. не наблюдается, наиболее экономным способом объяснения такого порядка вещей является признание того факта, что режим заповедных лет в 1590-х гг. превратился в устоявшийся порядок»⁷³. С этим выводом можно согласиться лишь отчасти. Приговор и указ 1597 г. показывают, что режим «заповедных лет», ограниченный межгосударственным соглашением, испытал модификации, когда опасность возобновления войны с Речью Посполитой отпала, однако не был отменён, а лишь дополнен контролем.

Приговор о служилых холопах от 1 февраля 1597 г. оставил в силе нормы Судебника 1550 г. и предполагал занесение в «крепости» в течение года (или

⁷³ Там же. С. 316.

трёх — для служилых людей «на далных службах») холопов, которые служили без договора, но уже «били челом в службу»⁷⁴. Государство стремилось снизить риски от «добровольных холопов», видя в них неподконтрольную аморфную и потенциально опасную группу населения. Одновременно решался и не менее насущный вопрос — под фискальный контроль попадали господа этих холопов, т.е. те, у кого водилась служба и кто мог платить без налоговых обязательств. Это были высшие страты государева двора, дети боярские, служилые люди, гости и «всякие торговые люди». Отныне полагалось с договорами («всякими крепостями») на руках регистрировать своих работников и беглецов в Холопьем приказе, причём пошлины вводились только для «крепостей» от даты приговора⁷⁵. Регламентация в «серой зоне» службы означала, что государство реструктурирует государственную службу, делая её прозрачной и налогоёмкой. Это стало дополнительным ударом по моделям коммуникации в служилых рядах России при сохранении буквы закона, но одновременно подобная прозрачность гарантировала служилым людям, что они не окажутся под неформальным давлением со стороны власть имущих за отказ от явки на службу и не будут «огурством» пополнять число «нетей». Под видом амнистии незарегистрированных слуг высшая власть в XVI в. пыталась уже не впервые упростить формы зависимости, облегчить и формализовать процедуры закабаления и освобождения⁷⁶. Этому способствовало то, что к 1580-м гг. «полные» грамоты вытеснили кабальные договоры и заметно сузилась роль докладного холопства (а именно в полное и докладное холопство статья 81 Судебника Ивана IV запрещала принимать детей боярских)⁷⁷. Нормы приговора 1 февраля 1597 г. невозможно считать политикой в классовых интересах. Подтекст данной реформы был освободительным по отношению к неоформленным кабальным холопам и фискально-закрепостительным к высокопоставленным владельцам «добровольных холопов».

Угроза побегов служилых людей и тяглого населения за рубеж оказалась настолько ощутимой, что в августе 1603 г. было принято решение освободить от ответственности беглых и выгнанных от своих господ холопов, выдав им «отпускные» — лишь бы они не оставались вне закона и не угрожали стабильности государства⁷⁸. Шаг навстречу беглым крестьянам сделал Лжедмитрий I, допустивший в февральском указе 1606 г. возвращение вотчинникам и помещикам только крестьян, бежавших до «голодных годов». Впервые появилась в указной практике и тема, явно волновавшая законодателей и раньше: «А ко-

⁷⁴ ЗАРГ. С. 64–66.

⁷⁵ О времени создания приказа Холопьева суда мнения исследователей расходятся, однако оформление кабальных грамот, как отмечает Д.В. Лисейцев, входило не в его в функции, а в функции постельничего и ямских дьяков. Авторы справочника «Приказы Московского государства» отметили, что первоначальный профиль приказа — обращённые в холопство военнопленные (добровольные и кабальные холопы), с конца XVI в. — полные холопы, а также отпуск на волю дворовых людей и крепостных крестьян: Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. С. 110–113, 141, 191–192, 236; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 163–170, 176–177; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 217–221.

⁷⁶ Яковлев А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 45–47, 47–49.

⁷⁷ Кольчева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 11–23; Панях В.М. Холопство... С. 105–131, 224–242.

⁷⁸ ЗАРГ. С. 71–72.

торые бежали з животы в далные места из замосковных городов на украины, а с украины в московские города, или из города в город, верст за двесте, и за триста, и болши», — в таких случаях крестьянам гарантировалось расследование, преступно ли он ушёл «з животы», или «от бедности», и во втором случае допускалось освобождение крестьянина от обязательств перед господином, не смогшим его прокормить⁷⁹. Позднее и Уложение Василия Шуйского говорило о «пришлых вновь», т.е. о далёких побегах от своих господ⁸⁰. Это понятие касалось, по всей видимости, как крестьян, так и холопов, а возможно, и беглых служилых людей, если они скрывались от закона под видом бывших подданных. Единство служилых и тяглых людей отражено в боярском докладе 25 февраля 1608 г. Часть схваченных «изменичьих людей», развезённых с войны по тюрьмам «на Москве, и в Серпухове, и под Тулою, и в ыных городех», были взяты на поруки и розданы в приказе Холопья суда во временное владение. Их бывшие господа, «старые их бояре, которые были в измене», но опалу с которых сняли, имели право вернуть себе своих холопов в законном порядке. Это же касалось тех дворян и детей боярских, что «были от Ростриги в опале». Если же заключённые попадались «в воровстве» (т.е. становилось известно об их участии в войне против царя Василия Ивановича), то их казнили по их «вине» или отдавали бывшим владельцам. «Отпускные» царя Дмитрия Ивановича при этом признавались⁸¹.

Приговор Боярской думы от 7 января 1606 г. дополнил указ царя Фёдора Ивановича, запретив ситуацию, когда обязательства холопов перед двумя и более господами вносились в одну кабалу. Правительство видело в подобных записях источник неупорядоченности, а само регулирование рассматривало в фискальных категориях. Однако попытки вторгнуться в свободный холопский рынок в мартовском указе 1607 г. привели только к росту напряжённости в стране. Амнистия охватывала тех «добровольных холопов», которые после полугода или года службы у своего господина отказывались дать на себя кабалу, но амнистировались и служилые люди, после такого же срока использования военной или рабочей силы с согласия самих холопов всё же регистрировавшие кабалу в законном порядке. Службу без письменной кабалы полностью запретили («не держи холопа без кабалы ни одново дни»)⁸². Это стало вызовом действующей модели службы, что на фоне боевых действий с войском И.И. Болотникова должно было полностью очистить институт подданства от непрозрачных отношений. Однако вскоре царь Василий Шуйский пошёл на уступки детям боярским и их подданным. Указ 1607 г. отменили в пользу Уложения 1 февраля 1597 г.⁸³ Майский указ 1609 г. вновь закреплял за господами их «безкабальных» холопов, служивших 5–6 лет (среднесрочная служба) или 10 и более лет (долгосрочная служба)⁸⁴. Документ, по всей видимости, вновь открыл возможность краткосрочной службы без кабалы и ограничил возможность зажиточных господ затягивать в кабалу по среднесрочным устным договорам (без кабалы). В подтексте этих мер была всё

⁷⁹ Там же. С. 73–74.

⁸⁰ Там же. С. 75–76.

⁸¹ Там же. С. 76–78.

⁸² Там же. С. 74–75.

⁸³ Там же. С. 79.

⁸⁴ Там же. С. 78–79.

та же тенденция пользоваться кабальным наймом без или сверх письменных договорённостей⁸⁵.

Обычай неформально нанимать кабальных тружеников являлся предметом беспокойства власти ещё со времён ст. 82 Судебника Ивана IV и указа 11 октября 1555 г., сохранялся и в середине XVII в., и составителям Уложения пришлось сократить допустимый срок службы без крепости с полугода до трёх месяцев⁸⁶. Всё это лишь показывает, что свободный рынок бездоговорной кабальной силы в России со времён Судебника Ивана Грозного и вплоть до Соборного уложения 1649 г. ограничить не удалось. Во многом из рядов этих неподконтрольных работников складывались группы бродячих людей, беженцев и казаков.

Указ о пятилетнем сроке сыска (24 ноября 1597 г.) также не менял норм Судебника 1550 г., а составлял основу для амнистии по неразрешимым делам, накопившимся за многие годы: «А которые дела в беглых крестьянех засужены, а до нынешняго государева указу царев и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу не вершены, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси указал и по государеву цареву великого князя Федора Ивановича указу бояре приговорили: дела вершити по суду и по сыску»⁸⁷. Оба указа 1597 г. открывали возможность для амнистии по судебным делам, не содержащим документального подтверждения зависимости или закрываемым по истечению срока давности. Их следует рассматривать в одном ряду с амнистиями середины 1590-х гг. в отношении российских эмигрантов в Речь Посполитую. Власти, столкнувшись с угрозой массовых побегов на «украины» и за пределы царства, пытались регламентировать и привести к единой формуле служебные отношения в самой России. Если заграничная выдача опиралась ещё на посольские договорённости и на приграничные заставы, то внутри страны делалось всё, чтобы не обременять зависимое население судебными исками и сделать возвращение из-за границы приемлемым и выгодным. Оба указа 1597 г. гарантировали репатриантам любого уровня свободу вне зависимости от срока пребывания за границей. Реформы были дополнены в 1600 г. «посадским строением», определившим само понятие посадских людей как городских старожилов, к числу которых живущие на посаде владельческие крестьяне не относились. Эти меры, как показал ещё П.П. Смирнов, были направлены на удержание посадского населения от перехода в другие социальные классы, причём особенно частым и тревожным для российской власти являлся переход «в состояние служилых людей по прибору»⁸⁸. Эти процессы прямо предшествовали складыванию значительных масс вооружённых людей, продвигающихся из обжитых регионов к границам России и за её пределы.

⁸⁵ См. иные интерпретации приговора: *Панях В.М.* Холопство... С. 35–38, 182, 196; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 158.

⁸⁶ *Панях В.М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967. С. 145; *Колычева Е.И.* Указ. соч. С. 181; *Шапиро А.Л.* Указ. соч. С. 130.

⁸⁷ ЗАРГ. С. 67.

⁸⁸ *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. С. 352; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М., 1947. С. 183; *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 68; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988; *Пузанов В.Д.* Военные факторы... С. 33–34, 53–64, 226–227, 272–276, 298–310, 332–333; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 46–47.

Ограничение выхода после Ливонской войны было направлено, таким образом, одновременно на регулирование внутренних миграций и эмиграции из страны. Общее пространство сыска беглых между Речью Посполитой и Российским царством сформировалось вскоре после Ливонской войны и оказывало влияние на развитие так называемого крепостничества в России. Фактически эта мера способствовала лишь ограничению «выхода» сельского населения. Вернее было бы видеть в сделках духовенства, боярства, чиновничества, детей боярских и купечества с высшей властью взаимное ограничение права на смену подданства и любую «измену» в обмен на получение гарантий розыска тех, кому такая «измена» удалась. При этом двумя указами 1597 г. опосредованно предполагалось создание льготных условий для возвращения в страну «изменников», которым гарантировалась свобода и нераспространение на них крепостных обязательств. Эти решения ограничивали подвижность служилого, городского и пашенного населения, с одной стороны, и устанавливали новые принципы подданства и круговой поруки тех и других по отношению к новой династии и друг к другу — с другой. Все названные выше указы отличает их внешнеполитическая и военная направленность, как и у сохранившихся и предполагаемых указов о крестьянском розыске 1580–1590-х гг.

Ещё в начале 1580-х гг. казачья служба в «украинных городах» Севске или Курске рассматривалась как допустимое наказание для лжесвидетелей на суде, подкупщиков, а также уличённых «в составе и в кромоле»⁸⁹. Это наказание грозило, в свою очередь, нагрузить регион взрывоопасной массой ссыльных. Указы Бориса Годунова 1601–1603 гг. о «выходе» и «холопех» должны были предотвратить обнищание широких масс служилых людей и уход их зависимых людей в голодные годы на приграничные земли, в Сибирь, Степь и на Дон. Режим «Юрьева дня» не восстанавливался этими указами, как нередко утверждают исследователи, поскольку он и не отменялся⁹⁰. Судебник Ивана Грозного действовал по всей территории России, о чём прямо говорится в обоих указах (сохранялось без изменений и «пожилое» — 1 руб. 2 алт.). Уточнялся режим в этих указах лишь в применении к определённым группам населения. Это также позволяло усилить контроль за сменой зависимости «выезжих». В указе 1601 г. «выход» и «вывоз» в некрупные хозяйства допускался только по квоте — не более двух зависимых людей от одного господина. В крупные хозяйства он запрещался полностью. Указ 1602 г. был направлен в Великий Новгород и лишь уточнял действие прошлогоднего указа, запрещая под страхом опалы господам оказывать сопротивление и не отпускать крестьян, если те решат отозваться на призыв бирича⁹¹.

Попытка уточнить режим «Юрьева дня» в 1601–1602 гг. была направлена на создание категории подконтрольных свободных людей, могущих с «крепостными» от своих бывших владельцев легально работать на хозяйствах боеспособных служилых людей, покидая разорившихся⁹². Отношения регулировались между взаимно заинтересованными собственниками, и задача властей заключалась в том, чтобы под страхом опалы дети боярские выдавали в таких слу-

⁸⁹ ЗАРГ. С. 60.

⁹⁰ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века. Кн. 2. М., 1954. С. 337–339; Корецкий В.И. Указ. соч. С. 186, 244, 319–320.

⁹¹ ЗАРГ. С. 70–71.

⁹² Козляков В.Н. Смутное время... С. 63–77.

чаях отпускные «крепости», без которых зависимые люди не могли перейти на новое место и грозили уйти к богатым господам, превратиться в бродячих людей или бежать за границу. Вопрос перемещения крестьян, в отличие от вопроса холопства, не закрепился за каким-то приказом, а контролировался непосредственно царём и Боярской думой при помощи биричей. Это связано с тем, что крестьяне не представляли никакой единой страты, а само понятие обозначало подданство, по которому (по их господину) и направлялись дела в государственные ведомства.

Корень зла виделся в Кремле не в голоде и зависимости крестьян и горожан, а в их превращении в боевых холопов и уходе, нередко вместе с разорившимися господами, на окраины государства. Угроза возникновения из числа своих же перебежчиков военной силы, способной нанести вред Московскому государству, ощущалась ещё тогда, когда велись следствия по подозрениям о «воцарении» Б.Я. Бельского в Царёве-Борисове и по «делу» о контрабандной торговле З.П. Ляпунова с Доном провизией, оружием и другими товарами (подобные запреты известны в отношениях Москвы с Рязанью с 1502 г.). Первые подозрения о поддержке лжецаревича Дмитрия Ивановича в России в сентябре 1604 г. пали также на «украинных людей» и на Дон⁹³. Опасения в полной мере подтвердились во время движений Хлопка, царевича Петра Фёдоровича, Ивана Болотникова, Истома Пашкова, Юшки Беззубцева, Феды Берсена и др. Уже первое из них показало, что на стороне повстанцев — организованная боевая сила, состоявшая не только из пахотного и промыслового населения, а в значительной массе — из обедневших детей боярских, боевых холопов и бродячих вооружённых людей. Наоборот, организация Первого ополчения проходила под лозунгами возвращения широким массам оружия, запрещённого московскими властями Сигизмунда III Вазы, а также освобождения «боярских людей крепостных и старинных». Тогда как Приговор 30 июня 1611 г. гарантировал возврат только крестьян, ушедших от одних дворян и детей боярских к другим «в нынешнее смутное время». Это означало амнистию по всем «выходам», которые не были документированы сторонами или предполагали переход крестьян в состав служилых людей и казаков⁹⁴.

Эта проблема и решалась взаимными соглашениями между московскими царями и властями Речи Посполитой. Борис Годунов, а позднее Василий Шуйский тщетно пытались договорами с Сигизмундом III Вазой ограничить «выход» горожан и крестьян, понимая, что благодаря бродячим людям на окраинах формируется вооружённое сопротивление. Казачество оставалось для новой власти фактором, способным повлиять на выборы царя, создать новую политическую угрозу, поддержать военное вторжение избранного царя Владислава

⁹³ Сборник ИРИО. Т. 137. С. 176–181.

⁹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук. Т. 2. СПб., 1836. С. 327. См. также: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 321–361. Можно предположить, что смоленские помещики, получившие жалованные земли от Первого ополчения, но встретившие отпор арзамасских «мужиков» в 1611 г., ушли не к нему, а именно в Нижний Новгород, поскольку Первое ополчение ещё в Приговоре от 30 июня 1611 г. не гарантировало смолянам-детям боярским прав над «мужиками», если они заявляли, что «за помещики... не бывали ни за кем» и сами служат «земскую службу» (*Эммаусский А.В.* Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. // Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения. Т. 7. 1934. Вып. 3. С. 26; *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 84, 133, 188, 198, 297, 336–337; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 360, 368, 398, 460).

Жигимонтовича, помочь в поимке на Яике Ивана Заруцкого и Марины Мнишек с «ворёнком»-царевичем или осуществлять походы на южных «украинах». В условиях призвания королевича Владислава Жигимонтовича, принятых под Смоленском в феврале 1610 г., и договоре московских бояр с Жолкевским от августа того же года, сразу вслед за вопросом о «выходе» поднята тема казаков на Волге, Дону, Яике и Тереке⁹⁵. Опасность объединения боярских холопов по пограничным крепостям виделась в том, что они могут в «дальних краях» выдвинуть из своих рядов нового «господара»⁹⁶.

Указ царя Михаила Фёдоровича от 1613–1615 гг. предполагал амнистию казаков в обмен на разоружение и возвращение «в старые свои чины». Допускалась даже готовность казаков вновь вступить в число «боярских людей», т.е. поменять «бесчиние» свободного вооружённого человека на «чин» холопа у служилых людей⁹⁷. План возвращения «русских воров» (казаков) в «старые чины» в Москве говорил о стремлении правительства Михаила Романова на период войны со сторонниками лжецаревича Ивана Дмитриевича обезопасить свои границы от новых масштабных вторжений. Вне «чинов», а следовательно, вне закона на территории России становились все казачьи формирования⁹⁸. Указ 1613–1615 гг. можно рассматривать как радикальную меру, предполагавшую запрет на любой неподконтрольный переход из «чина» в «чин», в одном ряду с последовавшими при патриархе Филарете указами о запрете на «литовскую» книжность, будто бы «засорённую латинством», и перекрещивание «белорусцев»⁹⁹.

Постановление 1611 г. и указы 1613–1615 гг. (а затем и 1619–1620 гг.) показывают между собой преемственность в сосредоточении основных хозяйственных и военных сил в руках Ополчения, а затем в руках правительства царя Михаила Фёдоровича, а также создание пограничного режима, препятствовавшего проникновению на территорию России новых «воров» и возлагавшего на всех возвращенцев обязанность отречься от «воровства», причастности к казачьим движениям и католичеству.

Отвечая на вопрос о причинах введения «заповедных лет», следует вернуться к событиям Ливонской войны 1581–1582 гг. и вспомнить, что Ям-Запольский мир устанавливал границы между государствами и запрещал их несанкционированное пересечение. Оба государства были заинтересованы в том, чтобы запретить свободное передвижение через границы, угрожавшее послевоенной стабильности и лояльности подданных. Это позволяет не согласиться с концепцией Д.Я. Самоквасова, видевшего в «заповедных летах» ограничение ст. 88 Судебника 1550 г. Заповедь полностью лишала крестьян права на несанкционированный уход от господина, что было тесно связано с запретом на уход за пределы России, поскольку движение свободного крестьянина, оставившего

⁹⁵ Сборник ИРИО. Т. 142. С. 64–69; СГГиД. Ч. 2. С. 396.

⁹⁶ *Корецкий В.И.* Указ. соч. С. 51–52; *Козляков В.Н.* Смутное время... С. 303–304.

⁹⁷ ЗАРГ. С. 80 (не ранее 26 февраля 1613 г. — не позднее июля 1615 г. и не ранее 26 февраля 1613 г. — не позднее 31 августа 1613 г.).

⁹⁸ Иной взгляд на казачество в названных событиях см.: *Флоря Б.Н.* Россия и восточноевропейские земли Польско-Литовского государства... С. 65–92, 359–428.

⁹⁹ *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 142–192; *Булычев А.А.* История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. М., 2004.

своего господина, выходило из-под контроля и воспринималось как нарушение дипломатических соглашений. Это положение дел выросло из клаузулы освобождения от тягла для «зарубежных» и «инокняжеских» людей в жалованных грамотах XV — начала XVI в., развившихся из крестоцеловальных соглашений между старшей и зависимой властью о запретах на переход для тех, «которые от нас поедут», и из требования выдачи «холопа, робы, должника, поручника, татя, розбойника, беглеца, рубежника» в дипломатических соглашениях начиная с 1494 г. Заповедь распространялась не только на крестьян, но и на детей боярских, и на другие группы населения, лишая их права на выход за любой рубеж без санкции высших властей. По своей сути это было закрепощение, распространявшееся на всё население России, и это объясняет, почему потоки перебежчиков на Юг и в Степь вскоре охватили не только крестьян, но и многих собственников-землевладельцев, нередко уходивших от налогового бремени и разорения вместе со своими людьми.

Зависимость детей боярских в плену и эмиграции нередко граничила с порабощением и подданством. Оршанским пленникам и заложникам после битвы 1514 г., узникам замков 1561–1562 гг. и Мальборка в конце 1560-х — начале 1580-х гг. приходилось трудиться в заточении и даже бывать в кандалах, хотя из застенков они освобождались не только возвращаясь домой, но и переходя на сторону захватчика. Грань между «чинами», т.е. социальными стратами, за рубежом для выходцев из Московского государства сохранялась. Известны по актовым книгам Великого княжества Литовского расследования, касающиеся шляхетского достоинства москвитов, претендующих на равенство с местными «добрыми» людьми. Границы между правом и бесправием оказались, впрочем, не слишком надёжны в отношении иноземцев из России. Что же касается «пашенных крестьян» и торговых людей, уходивших от опричных погромов, грабежей, неразберихи военного времени и Смуты, то переписные книги и приказная документация отражают в большей мере состояние тягла, не оставляя места для выводов о причастности господ к состоянию хозяйства. Ю.В. Готье отмечает обычную картину для описаний 1610–1620-х гг. Здесь нередко слова о крестьянах, «вымерших в лихолетье», «побитых от польских и литовских людей» и «в полон пойманных». «Но ещё чаще, — пишет исследователь, — попадаются известия о запустении сёл и деревень от бегства живших в них крестьян, которые “сбрили безвестно” или “ходят по миру”»¹⁰⁰. Помимо обычной смены места жительства с деревни на посад и наоборот, нередко были и далёкие выходы «по лесу и по болоту», за Оку, в «украинные города» и дальше «за рубеж». Это направление бегства тех или иных людей никто из свидетелей не мог бы удостоверить наверняка, но во многих концах страны знали, что оно полнится людьми, причём как служилыми, так и пашенными. И это же направление волновало российскую власть, как и власть Речи Посполитой после Ливонской войны, даже больше, чем все прочие, поскольку уход из страны оказывался невосполнимым и неподконтрольным. Уже в указе Лжедмитрия I о возвращении крестьян возникли как особый предмет дальние побеги и возвращение крестьян «с украины в московские города». Власть, декларировавшая своё происхождение от законных царей, стремилась милостиво обращаться со всеми, кто собирался вернуться, и допускала свободу от прежних господ для ушедших в голодные годы.

¹⁰⁰ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 121–122.

Взвешенность в крестьянском вопросе сохранялась и позднее. Отмена «Юрьева дня» не входила в планы ни одного правительства на рубеже XVI–XVII вв., а основные меры властей были направлены на регулирование «выхода» от господ при помощи правительственной (приказной) фиксации договоров и на остановку разорения служилых людей, от которых подданные бежали к более зажиточным господам, на окраины и за пределы государства. Ограничение «выходов» за государственные границы и отражено в международных договорах Российского царства и связанных с ними указах, известных как предвестие крепостничества, и именно с этими договорами прямо коррелируют по времени своего возникновения и содержащимся в них санкциям известные ныне указы и приговоры 1597–1618 гг. На внутреннем рынке холопов, мещан и крестьян в Российском государстве «старинное» право на владение подданными определялось наличием свидетельств, которые нередко исчезали в пожарах, кражах и с гибелью собственников. Эти права также гарантировались внешними событиями — нашествиями, военными поражениями и пожарами («московское разоренье», «королевичев приход»). «Старина» стала не обозначением глубокой традиции или прикрепления к собственнику, общине или земле, а правовым рычагом, позволявшим искать ближайшие по времени источники права. Если их не находили, то не было и «старины», и каких-либо обязательств, вызванных ею, а крестьяне, как и другие зависимые слои населения, становились свободными, если, конечно, не находилось других причин, чтобы считать их зависимыми (например, добровольного признания холопом своей «старинной службы»). С конца XVI в. в подобных вопросах окончательное решение принадлежало приказным и местным судьям, опиравшимся как на локальную, так и на общегосударственную документацию. Последняя, в свою очередь, составлялась с учётом межгосударственных договорённостей.